

«А МНЕ ЕЩЕ ЛЕТАТЬ ОХОТА...»

Казахстанская правда. — Алма-Ата. — 1992. — 25 янв. — с. 3

Когда знаешь человека десятилетиями, кажется, и потаенности в этом знании не остается. Бывали у нас с актрисой Лией Нэльской встречи на «посиделках»: с музицированием, домашними вернисажами, чтением Зоценко под разгрузочный от житейской суеты смех... Но в последнее время встречались больше «заочно», в театре, когда она — на сцене, а я — в зрительном зале. Ходить-то на спектакли с ее участием не переставала, а вот так, как прежде, общаться не получалось: жизнь перестроенная развела по разным очередям. Вот в одной из них мы недавно встретились, чему весьма обрадовались. Постояли, посетовали на то, как все не просто вокруг... Вдруг она озорно и решительно: «А ну ее, эту курицу! У меня торт есть, чай поставим, посидим, пообщаемся». И увлекла меня, не дав возразить, и дел других полно...

Короткая перебежка от гастронома к ее высотному дому и уговор: «Ни о театре, ни о политике — только чай пить!». С тем и поднялись в просторную квартиру, полученную не так давно, как сказочный подарок за долголетние муки на полутора десятках метров с дочерью, мамой и фортепиано...

Как и уговорились поначалу: устроились уютненько на кухне, разместили под шум чайника и тем «запретных» не касались. Пили чай на правах, вспоминали былые «посиделки»... Потом перешли в гостиную. Она взяла изящный (хотя и старый) аккордеон. И прежде чем извлечь мелодию, с выговором (неизвестно кому) выстрелила глазами: «Все рушится, на чей-то взгляд, а я, напротив, приобретаю силу!». И заиграла что-то незнакомое. Потом узнаю: недавно сочиненное самой.

Вот так и покатило поехало опять о том, что у всех на устах и на душе.

Отсюда родилось и это интервью.

Пока звучал аккордеон, я, честно говоря, оговоренная ее признанием (подобное нынче едва ли кто станет утверждать), выживала из своего сознания: как бы это попросить расшифровать, не сбив своим вопросом вырвавшееся признание. Характер-то у Лии Владимировны непредсказуемый: выплеснет сокровенное, а потом может напрочь уйти от разговора. Ничего лучшего не придумала, как:

— Лия Владимировна, что-то не пойму, как это при всеобщей растерянности и даже страхе — выжить бы, вы в такой ситуации обретаете силу при повальном унынии? За счет чего: характера, позволяющего при трудных обстоятельствах оставаться на гребне волны, на что более способен мужчина? Или хаос нынешний не касается творческой личности (в чем я сомневаюсь)? Или вы следуете утверждению медиков, что отрицательно думать и воспринимать окружающее — означает развалить все окончательно вокруг себя и в себе, а думать положительно даже об отрицательном — значит сохранять способность созидать?

Она, не снимая с колен аккордеона, чуть приглушив мелодию:

— Мужской характер! Помилуйте, при моей-то всю жизнь незащищенности — ранней и болезненной. Не-ет. Держаться на гребне волны? —

Патетика. Через отрицательное пробиваться к положительному — это мне ближе. И не перестройкой вошло в меня, а всю жизнь сопровождает. Азарт какой-то в преодолении препятствий, сопротивлении обстоятельствам. Как это в «Плутнях Скапена»: с препятствиями и любовью разгорается сильней и наслаждение ценится больше.

— А если серьезно? — Куда серьезнее! Испытание повседневностью — всегда труднее, чем экстремальная ситуация. Чем мной сказано, но мною выверено. «Сословие нытиков» формируется не из тех, перед кем действительно встает вопрос: как выжить?

Время поставило простой и ясный вопрос: что я могу? На что способна? Я не имею здесь в виду тех, кто истину нуждается в помощи и милосердии в трудное время. Но согласитесь, большинство обитало в благополучной заводи, в ленивом и полуреализованном дольстве. А с перестройкой, как бы мы к ней ни относились, надо было менять образ жизни — точнее, попробовать жить с тратой неистраченного. И тут многие имевшие место проблемы возвели в степень, и они, естественно, стали расти как снежный ком...

— Но были и те, кто всерьез и раньше думал над вопросом: что я могу, те, кому не надо было особенно перестраиваться: они и так жили и трудились с отдачей. Что можно предъявить им?

— Исключение не в счет. Большинство должно было признаться себе и осознать, что делало недостаточно, отдавало не все: композитор в музыке, архитектор в создании красоты, художник — в картинах, артист — на сцене... Часто ли мы спрашиваем себя: зачем сделана плохая работа? Кому она нужна? Чтобы все в гармонии достичь: для души, тела и желудка, надо делать дело каждому на полную катушку.

А не отмахивать, скупясь. У меня такое чувство, что все годы перестройки мы только то и делали, что сопротивлялись (вольно или невольно) чему-то конкретному и параллельно, возможно, неосознанному. Будто были привязаны к своему нежеланию что-то менять и меняться. Как лодка на приколе: не отплыть от берега и на суше тошно. Шесть лет потрачено на злобу, размазывание прошлого без чувства меры. Нельзя возвращаться к прошлому в такой тональности до бесконечности. Недаром говорят: не злись, вокруг кола будешь ходить... Тут медки правы: подобное работает на разрушение.

Надо возвращаться к нравственным источникам вообще и прежде всего каждому к себе. А проще говоря — жить достойно. Служить — достойно. Просто, как дважды два. А попробуй разрылся в себе под панцирем этот слой, доберись до сути. Надо так почитать свою работу, как относилась к ней наша костюмерша Дора. Во время спектакля она стояла за кулисами с ниткой, вдернутой в иглу: вдруг кому-то понадобится!

— А можно работать из-за страха быть уволенным, не продвинувшись по служебной лестнице, лишиться каких-то элементарных благ?..

— Работать-то можно. Но страх никогда не был стимулом творчества. Это точно. Если над художником висит дамоклов меч (в любом его обличье), то конец и художнику, и прощ цена тому, что он делает. Даже если этот меч никогда не упадет на голову, все равно, считай, он ее срубил.

Есть в жизни одна наипоказнейшая профессия — лодырь. При том самый опасный не тот, что почти ничего не делает, а тот, кто камуфлирует под работу. Пролить жизнь можно, только заполняя ее, — это мой девиз, если хотите.

— Но овладеть искусством жить наполненно не так-то и

просто? Думаю, согласитесь? — А кто сказал, что просто! В театре, к примеру, тут не только от твоего желания и возможности зависит многое. Представь ситуацию: идет репетиция нового спектакля. Все играют, а я еще ничего не понимаю в роли, не схватила ее «за хвост», не притянула к себе на близкое расстояние. Еще пытаюсь. А мне режиссер говорит: «Я вас снимаю с роли!». И снимает. Подобные случаи не только со мной. И со мной не единственный.

Начинаешь, конечно, «выступать», тратишь силы на овладение искусством доказывать свою точку зрения и право на художественное осмысление образа.

Это жизнь. Выдающийся французский актер и режиссер наших дней Жан-Луи Барро в своих мемуарах «Воспоминания для будущего» признается: «У меня такое впечатление, что, выбрав театр, я записался в школу жизни... нашел место, где собирается много людей, чтобы задать множество вопросов...».

— Известно, что римляне звание комедианта (актера) считали позорным, а греки — почетным. А как сегодня у нас?

— Кто-то из известных ответил на этот вопрос так: мы смотрим на них, как римляне, а обходимся с ними, как греки. Ни то и ни другое, на мой взгляд, не соответствует нашей действительности. Хотя, как посмотреть... Долгие годы власть употребляющие, похоже, смотрели на нашу профессию близко к римлянам — неуважительно, если взять ту же оплату труда: 10 лет отрубил на сцене — 10 рублей добавка...

Слава Богу, многое меняется нынче к лучшему. Сейчас, после нескольких удачно сыгранных ролей или просто чей-то добрый и профессиональный взгляд, помогают оценить по достоинству твой труд. А это великое дело. Ну, а почет (по-гречески), считаю, был всегда — со стороны зрителей...

— Сегодня вроде бы не до театра. Но есть какая-то сила, которая влечет к нему человека. Зритель о ней и не задумывается, но подсознательно ощущает, что здесь и жизнь, и искусство сливаются, горечь житейских проблем смешивается с радостью. А потому, видимо, театр как был, так и остается с теми же задачами?

— Зритель идет в театр не для того, чтобы убедиться лишним раз, как все в жизни плохо, а для того, чтобы увидеть ее с другой стороны. Упаси нас Бог, чтобы театр в нынешней ситуации пропустил за зрителем, потакал его снобистским «вкусам». Ориентироваться на массового зрителя было бы катастрофой для сценического искусства.

— Чего же сегодня хочет зритель?

— Отвлечься и развлечься. Но, как говорил Станиславский, публика приходит в театр развлекаться, а наша задача, чтобы она ушла с раздумьем.

— Судьбы сценических героев переплетаются как-то с вашей жизнью?

— Из реальной жизни несешь в образ. А героиня вдруг возьмет да отсечет в твоей жизни то, что казалось, если не главным, то уж существенным — точно.

Если бы режиссеры — постановщики задумывали спектакли, исходя из творческой индивидуальности каждого ак-

тера, жизни бы сценические и реальные более переплетались. Соединить их так, чтобы плакать хотелось над чьей-то судьбой и радоваться одновременно. Как с Анфисой у меня было в спектакле по Федору Абрамову «Две зимы и три лета». Из другого временного измерения, а какая внутренняя соединенность! По себе сузу. Через много-много лет мне говорит зритель: «Ой, как я вас помню в «Барабанщице». Через 30 лет!.. Или: живет на сцене и, без ложной скромности скажу, радует зрителей вот уже почти 20 лет «Ханума»... До обидного мал тот пе-

речень при большом числе сыгранных удачных ролей...

— Театр — это не развернутый фронт. Это колонна, в которой есть лидеры и аутсайдеры?

— Надо много уметь, чтобы нести на себе лидерство. Но каждый в колонне важен и нужен, чтобы создать цельное художественное произведение. Каждая веточка на дереве — его производное и составляющее, каждая большая и маленькая несет свои соки дереву. Так и в спектакле: много слов текста, мало — их надо подвести к единому стволу. Каждый незаметно и каждый необходим. А мы чаще и в творчестве действуем по принципу: незамеченных нет! И тихо, незаметно покидают театр (не по своему желанию) те, кто мог бы еще играть и играть, с кем рядом могли бы учиться мастерству молодые. Не называю фамилий, чтобы не сделать лишнего разбоя. Но люди эти известные, заслуженные.

И дело не только (и не столько) в чем-то злом намерении, сколько в том, что невосстановленным остаются возможности. Мало ставим, много — «лишних». Если год репетировать одну постановку, родится существо без импульса. Ставить один спектакль в год — значит состарить актера, не дав им состаться. Без тренировки души никакая главная роль не одарит мастерством.

А вообще, освободить человека от чувства безысходности во многом может он сам, своим благородством души, чтобы не трагедия ощущалась, а осознание того, что больше он сделать не может...

— Из чего человек черпает силы, когда, казалось бы, и пощипнуть их неоткуда?

— Бетховен говорил: «Помоги себе сам». Это, в первую очередь. Ну и, конечно, от доверия и признания в тебе личности. От доброго отношения и понимания твоих устремлений. Когда-то давно Мар Сулимов, будучи режиссером нашего театра, сказал по случаю: «Я могу сидеть дома, читать книгу, когда играет Нэльская!». Многого стоит такая оценка, ставшая для меня критерием требовательности к себе.

Из зрительного зала хорошо видно, какие мы: глупые или умудренные, искренние или лицемерные... Можно обмануть внешним рисунком роли аттестационную комиссию, даже коллег, но не зрителя... У театра большие возможности заняться вопросами, которые

мучают всех: от житейских до философских, подсказывать художественными средствами, что разумнее: бить стекла в магазинах или понять, почему они пусты?

ОТСТУПЛЕНИЕ.

Сорок лет творчества — от того первого дня, когда на афише появилось имя Лии Нэльской, и до нынешнего, со званием народной артистки республики. И многие-много годы, связанные с русским академическим театром имени Лермонтова. Роль не перестать, всех спектаклей не назвать: играла в «Ленинградском проспекте» с народными

артистами СССР Н. Мордвиновым и Ией Саввиной; за ней «остался» образ Нилы в «Барабанщице» и Анфисы в спектакле «Две зимы и три лета»; спектакли «Гнездо глухаря», «Расчетчик», «Ретро», «Мешане» и другие уже не значатся в репертуарной афише театра, а роли ее живут в ней и в памяти зрителей разных поколений. Она и сегодня разнопланова: вот и новая работа в американской комедии «Мышь и старинное кружево» — блистательная роль. И не перестает надеяться сыграть такую, которая могла бы затмить все сыгранное.

О творчестве Л. В. Нэльской, о деятельности ее, когда она была депутатом Верховного Совета республики, мы неоднократно писали. А вот чем жив человек, кроме сцены и общественной деятельности, как-то не касались: время, наверное, диктовало свой стиль.

Ухабистая дорога — сценическая и житейская. И удивительное жизнелюбие, сохранившее ей юношеский облик — внешний и по состоянию души. Только пусть не сложится впечатление, что с «легкостью» воспринимать трудности жизни и призывать к этому других может человек очень благополучный. Нэльская не из них. Ученые социологи (а, может, психологи) вывели, что все мы постоянно живем по меньшей мере в трех планах: мы такие, какие есть на самом деле, такие, какими себя воображаем, и такие, какими хотим казаться.

Какие мы — неизвестно. Какими себя воображаем — заблуждаемся. Какими хотим казаться — обманываемся. Можно не соглашаться с такой характеристикой. Но ведь верно, что каждый из нас — «микрокосмос» с разными полюсами и мировоззрением на разные вещи разное, и поступки порой один к другому логикой не присоединяешь.

«Талантливая актриса!» — признают за Нэльской. Характер — ой-ой-ой — это тоже о ней. Нет, не злобный, она человек, но уж правду-матку в глаза говорить — за ней станет. Как-то в беседе одна актриса призналась: «Как можно себя чувствовать, когда после спектакля спрашиваешь: Лия Владимировна, как я сегодня играла? — а в ответ: плохо. Понимаешь — плохо! Обидно, конечно, и этого не скрываешь. Ну а потом «остынешь»: по большому счету она судит, без вежливых реверансов, открыто. Это больше помогает, чем комплименты из приличия».

— Не отрицаю: вспыльчива,

накричать могу в ответ на непонимание. Но через несколько минут хожу как побитая собака за этим человеком, пока не объяснюсь. Конечно, говорю себе честно, надо потерпеть, дать понять человеку, что он не прав, но закусишь удила. Потом сама страдаю больше...

Проявление бескомпромиссности, если речь идет о творчестве, вносит свои сложности во взаимоотношения. Но если найдено взаимопонимание, совместная работа несет в себе истинное творчество. Она называется «Две зимы и три лета», «Поминальная молитва», «Ретро»... и другие спектакли, неслегка доставшиеся, но несущие в себе непреходящую окрыленность.

Я не удержалась и все же спросила:

— У многих создается ощущение, что живете и боретесь с трудностями вы шутя?

— Вид такой делаю, это возможно. А так, один Бог знает, как достается эта «легкость» в трудности бытия. Но стремлюсь быть в форме. А значит, чувствовать себя женщиной.

— Где больше: на сцене или в жизни?

— Равно и там, и здесь. — Часто слышишь, что одиночество — удел творческих людей. Вы часто бываете слабый?

— Господи, да постоянно. Но виду не подаю, не замыкаюсь в слабости своей. Дай волю, так раскиснуть недолго. А мне еще летать охота!

— И дочь в полет вывести?

— Само собой — это главное: моя тревога и радость. Вот недавно она стала помощником режиссера в нашем театре. Для меня это... Да разве выразишь словами. Вслушиваюсь в партию спектакля, которым она «дирижирует», волнуясь и радуясь.

— Тяжела ноша: всю жизнь надеяться только на себя?

— Поднять она может, если жить с постоянным ощущением ее. Я ведь дочь вырастила одна... А любить и быть любимой — хочется во всяком возрасте. И не только в спектаклях.

Вопрос был в тональности нашей беседы. Не спущенный с колен аккордеон время от времени прерывал ее созвучными мелодиями. И тут я почувствовала, как грустная нота готова поставить финальную точку в нашей беседе. Совсем ни к чему. Не сговариваясь, мы выразили желание попить еще чайку. Вновь устроились на кухне и так же неожиданно, под хитрую уловку нашей ответ на вопрос: почему многие прекрасные женщины пребывают в одиночестве? Даже блистательная Эдита Пьеха в канун Нового года призналась, как она всю жизнь обделена личным счастьем. Вспомнили, как в одном из интервью кинорежиссер Алла Сурикова на вопрос: «Ваш идеал мужчины?» ответила в шутку ли, всерьез ли — каждый пусть решает для себя: для достижения идеала женщине нужно иметь по крайней мере... шесть мужчин. Один для семьи, чтобы дети были здоровыми и красивыми. Другой — для выхода в свет. Третий — для материального обеспечения. Четвертый — для интеллектуального разговора. Пятый — чтобы дремь в руках лежала. А шестой — для Любви!

— Бывают исключения, когда все шесть — в одном. Да мне не встретился... Но все, что было в моей жизни, — все на пользу. Да и как иначе считать, если через 30 лет зритель мне: «Я вас помню в роли...».

Беседу вел
С. ЯГМурова.
Фото В. Ваколкина.